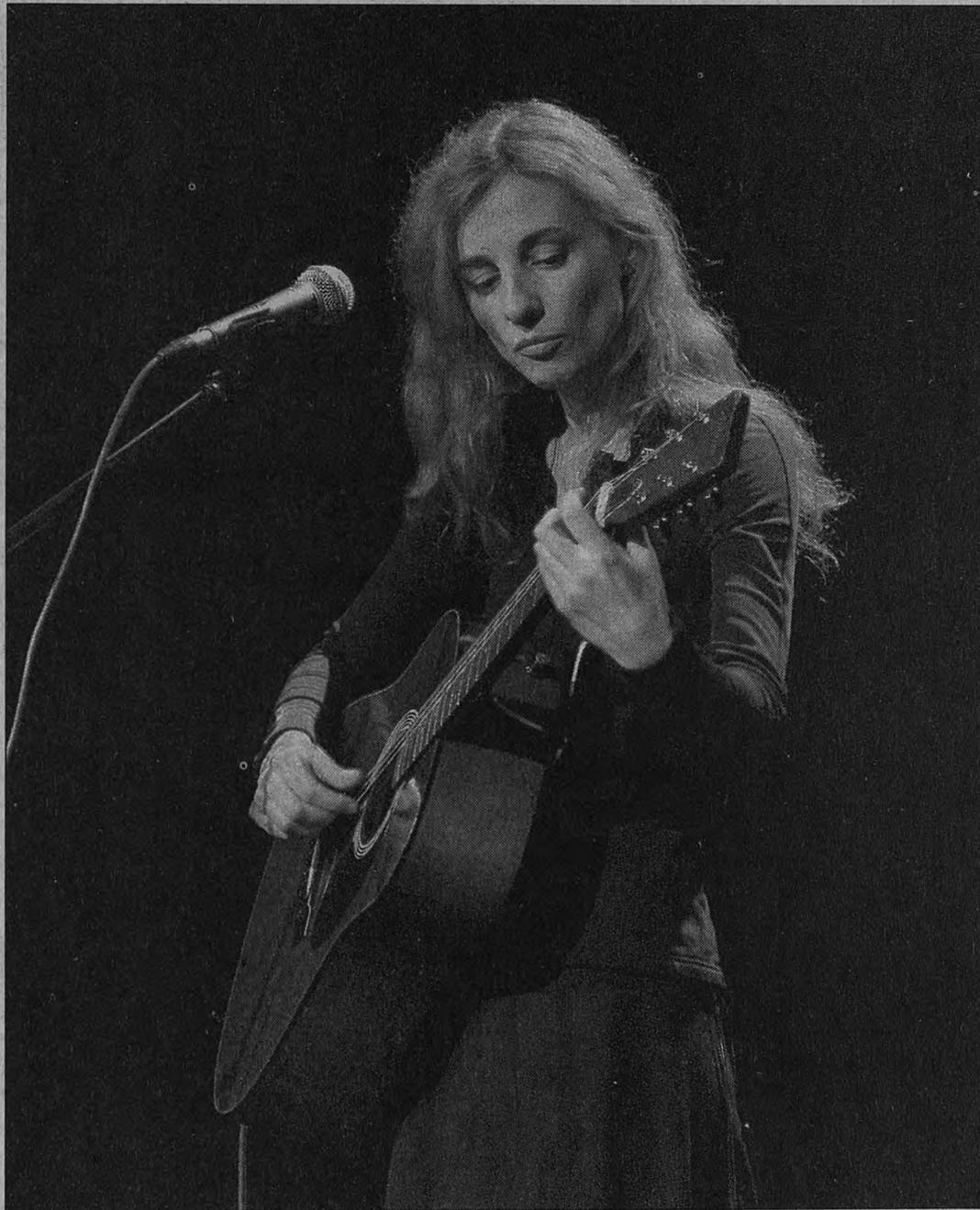

Ольга АРЕФЬЕВА: По жизни я клоун

В наше время, если артист собирает полные залы, но при этом не мозолит глаза в многочисленных ток-шоу и на страницах бульварных изданий, — это очень хороший признак. Значит, перед вами действительно интересный и самобытный творческий человек, который не может, как червонец, нравиться всем. Ольга Арефьева относится к числу именно таких.

Беседовал Владимир Преображенский.
Фото автора

В начале 90-х она приехала в Москву, довольно быстро став одной из ключевых фигур отечественной рок-музыки «второй волны» — той самой, которую представляли здесь также Сергей Калугин, «Рада и Терновник», Анна Герасимова (Умка). Член Союза писателей, лауреат конкурса «Юрмала-87» и литературной премии журнала «Знамя», Арефьева не стремится к популярности любой ценой. Ее кредо — постоянные эксперименты. Именно поэтому группа Арефьевой «Ковчег» в зависимости от жанровых тяготений и симпатий своей солистки в тот или иной период приобретала различный вид — «Акустик-Ковчег», «Реггей-Ковчег», «Рояль-Ковчег» и т.д. На большом концерте в московском Театре эстрады, который состоится 23 апреля, произойдет небывалое — музыканты, задействованные в различных музыкальных ответвлениях проекта «Ковчег», объединятся в один небольшой оркестр.

— **Что необычного будет в этом концерте?**

— Мы объединили два состава — акустический и электрический. Все без конца спрашивали: «Что ты больше любишь — свое электричество

или акустику?» — это все равно что «кого больше любишь — маму или папу?» У меня существуют две группы одновременно, и только Петр Акимов играет и там, и там: в акустике на виолончели, в электричестве на клавишах. Объединение началось с «Шансон-Ковчег». Я искала для него музыкантов, но это получалось с переменным успехом: что-то мне

не нравилось. Тут ведь очень все сложно — и психологически, и музыкантски, и технически друг другу соответствовать. Мне ребята из электрического состава говорят: «Что ты от добра добра ищешь — со стороны кого-то там приглашаешь. Возьми нас! Мы тебе сыграем лучше всех!» И первый же концерт прошел настолько успешно, что сейчас

мы готовим пластинку с этого выступления. Дальше больше — мы решили вместе сыграть акустику! И это тоже удалось. Появился состав, которым теоретически мы можем сыграть любую мою песню.

— **Были вот уже «Акустик-Ковчег», «Реггей-Ковчег», «Блюз-Ковчег», «Рояль-Ковчег»... Какой «Ковчег» будет дальше?**

— Есть несколько и не-«Ковчегов», скажем, проект «Белые цыгане», который мы сделали совместно с Юлей Теуниковой, — народные цыганские песни. И еще есть духовные песни, старинные народные канты, которые мы собрали в программу, пока без названия, вместе с той же Юлей Теуниковой и Петром Акимовым. Меня очень интересуют народное творчество, аутентичная этника... Кроме того, недавно возник визуальный театр — перфоманс-группа O.V.O... Конечно, старые могучие «Ковчег» остаются главными, но побочные проекты у меня вызывают обостренный интерес, в них я узнаю какие-то совсем новые и тонкие вещи о себе и о мире. Иногда я так настойчиво пытаюсь приобщить свою публику к какому-то очередному безумному проекту. Непросто публика восприняла, например, мой «Рояль-Ковчег». А сейчас существуют поклонники именно «Рояля...» Он у меня такой театрализованный, каждую песню я там каким-то образом обыгрываю, как мини-спектакль. Меняю образы, использую реквизит, пластику. Для меня это оказалось путем внутрь себя. Создавая этот проект, я осознала, что на самом деле я клоун.

— **А что значит — клоун?**

— Это человек, который может заставить людей смеяться и плакать. Человек, который общается не от своего персонального лица, а от лица маски.

— **Что собой представляет ваш театральный проект?**

— Театральная, клоунская жилка, которая присутствовала во мне всегда, начала в последнее время очень сильно пульсировать и требовать внимания. Сначала появился «Рояль-Ковчег». Потом я начала вести тренинг под названием «Человеческая комедия». В течение уже почти двух лет я встречаюсь с группой, достаточно маленькой — 10–12 человек, и мы занимаемся раз в неделю с утра до вечера. Это такая систематическая работа, которая многое в человеке меняет. И вот уже в таком подготовленном состоянии я увидела театр «Дерево» и познакоми-

лась с Антоном Адашинским. Это пробило во мне просто огромную брешь. Мне хотелось видеть странное, прекрасное и нечеловеческое и очень хотелось в этом участвовать. И таких людей, кроме меня, оказалось еще несколько. У нас образовался свой театр, он называется O.V.O. «Ово» по латыни — яйцо. Аббревиатуру можно расшифровать как «Оригинальные Визуальные Объекты», «Огонь, Вода, Обнаженные».

— **В чем состоит основная идея проекта O.V.O.?**

— Когда еще не было имени у театра, было рабочее название — «Нечеловеческие танцы». У меня даже есть теперь такая песня, ее другое название «Оборотень». Существуют вещи земные, очень-очень человеческие. Скажем, «Шансон-Ковчег» — это очень земная, очень человеческая музыка, там много сердечных, эмоциональных переживаний. А есть вещи запредельные. Не любовь-морковь и даже не жизнь и смерть, а нечто над жизнью и смертью, за их пределами. Это меня очень интересует.

— **Ольга, как происходит ваше общение с поклонниками? Насколько важна для вас обратная связь?**

— Очень важна. И на сайте у нас все сделано для того, чтобы эта связь была. Есть гостевая книга, есть форум, есть возможность посылать мне письма. А лично с поклонниками я встречаюсь скорее избегаю, чем стремлюсь. (Улыбается.) Потому что все время происходит все по одной и той же схеме: люди не меня видят как живого человека, стоящего перед ними, а они видят образ, заранее знают, как он должен действовать.

— **Вы можете, находясь на сцене, да и вне ее, в себе четко разграничить: вот это я, а это мой образ?**

— То, что ты показываешь наружу, публике — даже если это твои самые настоящие, самые глубокие, интимные переживания, очень задушевные, — это уже то, от чего ты отказываешься. Это перестает быть твоим личным достоянием и становится общественным.